

которое въ большинствѣ — черносотенное, всегда помогало свергнутому правительству въ его злодѣйской дѣятельности. Недаромъ поповъ повсюду звали жандармами въ рясахъ. Духовенство повсюду съ церковнаго амвона проповѣдывало всегда самыя гнусныя, чловѣконенавистническія идеи, стараясь также въ томъ же направленіи вліять черезъ школы на юношество, вливая въ молодыя, наивныя души тлетворный ядъ черносотенныхъ мыслей. Этому надо положить рѣшительный конецъ. Государственная реформа отдѣленія церкви отъ государства и школы отъ церкви вполнѣ назрѣла и крайне необходима въ переживаемое нами время.

„Само собой понятно, что изъ этой основной реформы должны вытекать давно жданныя свободомыслящими людьми — гражданскій бракъ и гражданскія похороны. Всякій желающій вступить въ бракъ долженъ будетъ регистрироваться въ городскомъ самоуправленіи или его отдѣленіяхъ и этимъ оканчивается въ законодательномъ смыслѣ церемонія брака; конечно, желающіе могутъ, кромѣ того, еще вѣнчаться въ той или иной церкви, но это дѣло ихъ частнаго желанія и вѣчаніе въ церкви отнюдь не прибавляетъ никакихъ правъ вѣнчающимся. Хоронить нашихъ покойниковъ мы также можемъ гражданскимъ порядкомъ на любомъ изъ кладбищъ, безъ участія духовенства. Желающіе же могутъ хоронить по старому, съ духовенствомъ, но обязательность такихъ похоронъ должна быть отмѣнена совершенно“ („Екат. Е. В.“).

Чаша скорби Богочеловѣка *).

Торжественная встрѣча Спасителя міра народомъ іудейскимъ съ радостнымъ „осанна Сыну Давидову“ смѣнилась вскорѣ ужаснымъ зрѣлищемъ. Благорасположеніе народа къ давножданному царю — Мессіи продолжалась недолго. вмѣсто привѣтствій слышались злобные крики: „распи, распи Его“. вмѣсто словъ дщери Сіоновой: „се царь твой грядетъ тебѣ — уже слышны слова „не имамы царя“. Сбылось пророчество того Человѣка, который сталъ предметомъ ненависти народа іудейскаго: „Время мое близъ есть“ (Мѡ. 2 гл. 18 ст.). — Настало время, когда ученикамъ Іисуса Христа можно было, по предреченію Учителя, соблазниться о Немъ.

Чаша страданій, часъ скорби близки предъ Богочеловѣкомъ. Геесиманія — любимое мѣсто Божественнаго Учителя, мѣсто для размы-

*) Трудъ компилятивный. Авт.

шленія, для отдыха, становится мѣстомъ преданія Христа въ руки гнусныхъ злодѣевъ. Здѣсь то, вдали отъ города, среди полнаго безмолвія въ таинственномъ сумракѣ сада, восхотѣлъ Іисусъ Христосъ пережить весь гнетъ охватившей Его скорби, „подобно плоду маслины подъ гнетомъ точила Геѳсиманіи“ (Дидонъ. Жизнь І. Хр.). Темная ночь и дневные труды не въ состояніи смежить очей Іисуса. Онъ знаетъ, что готовитъ Ему эта темная ночь. Его ждетъ незаконный судъ, оплеваніе, осмѣяніе, издѣвательство, мучительная смерть и гробъ. „Тьма вооружится противъ свѣта, незаконіе посмѣется надъ добродѣтелью, лицемѣріе и коварство восторжествуютъ надъ правдою, черная неблагодарность, низкая измѣна покроютъ многочисленныя и великія дѣла любви и милосердія“. (Иннокентій, архіеп. Херсонскій „Послѣдніе дни земной жизни Христа“).

Не могъ Спаситель оставаться спокойнымъ предъ такими минутами. Его взоръ омрачился и наполнился слезами. Онъ тоскуетъ, трепещетъ; душа Его прискорбна даже до смерти. Онъ ждетъ утѣшенія, одобренія, и съ этою цѣлю обращается съ молитвою къ Своему Отцу.

Христосъ проситъ Своихъ учениковъ, чтобы они раздѣлили Его одиночество и скорбь; Онъ говоритъ имъ: „побудьте со Мною, помолитесь со Мною“.

Глубокая скорбь объяла душу страдальца. Онъ не можетъ успокоиться и отдается молитвенному обращенію Отцу, доходитъ до изнеможенія, до кроваваго пота.

Что же за тайна Его скорби, что привлекало Его къ этой молитвѣ? Неужели Онъ—Христосъ боялся смерти и страдалъ отъ одного представленія объ ней?

При разрѣшеніи этого вопроса надо имѣть въ виду слѣдующее. Первое то, что Іисусъ Христосъ есть не только совершенный Богъ, но и совершенный человѣкъ „пречистый по тѣлу и безгрѣшный по духу“.

Второе—, что Онъ есть Искупитель, взявшій на наши немощи, наши болѣзни (пр. Исаи 54 гл.)—это послѣднее было большое бремя для Искупителя, которое подавляло Его своею тяжестью до кроваваго пота, до изнеможенія.

Каждый человѣкъ боится смерти, Онъ живетъ больше прошедшимъ и настоящимъ, не давая себѣ отчета о дѣйствіяхъ и поступкахъ, но какъ только натолкнется на вопросъ, что же будетъ съ

нимъ дальше—начинаетъ строить планы будущаго, а будущее неизвѣстно, неизвѣстно лишь ему, что онъ умретъ. Смерть неумолимый законъ природы.

„Не было и не будетъ во вѣкъ, чтобъ жилъ не зная могилы, хотя-бъ единый человекъ“.

(Прот. 2. Дьяченко „Христ. утѣшенія ч. II-я).

Несмотря на это онъ стремится пожить. Если ему грозитъ опасность умереть, то какъ борется онъ съ ней, чтобъ уничтожить ее“. Для человека смерть наказаніе за грѣхъ, такъ какъ „Богъ смерти не сотворилъ и создалъ въ неистлѣніе“. „Смерть вошла въ человѣчскій родъ не по природѣ, и потому природа человѣческая борется и боится“, говоритъ Теофилактъ, архіеп. Болгарскій.

Итакъ, если для грѣшника смерть является всегда страшною, то тѣмъ болѣе должна казаться для безгрѣшной природы Христа. Смерть для Богочеловѣка, говоритъ епископъ Михаилъ (извѣстный толкователь Свщ. Писанія), явленіе неестественное „оттого чистая природа Христова естественно возмущается противъ смерти, скорбитъ и тоскуетъ при видѣ ея“. (Толковое Евангеліе Мѣ. 26 гл. 36—ст.).

Страданія Христа не могутъ имѣть сравненія съ страданіями человѣческими. Страданія должны быть привычными нашей грѣховной природѣ, а для безгрѣшнаго Христа они чужды—отвратительны, такъ какъ по слову пророка Исаи „беззаконія не сотворилъ и не обрѣтается леть во устѣхъ Его (53 гл. 9 ст.).

По человѣчески размышляя, Господь Иисусъ Христосъ сказалъ, что Его страданія происходятъ совершенно безъ всякой Его вины предъ людьми, не заслужены Его земною жизнію и Его поведеніемъ.

Вспоминая свою жизнь, Онъ не видитъ за Собою никакихъ грѣховъ и поступковъ противъ людей, наоборотъ, Онъ воспоминаетъ только одно добро для людей.

„Влекомый на Крестъ,

Такъ вопіялъ Ты, Господи;

За какое дѣло, іудей,

Хотите Меня распять?

За какое дѣло, іудей,

Хотите Меня убить?

(Тропарь 3-го часа В. Пятка).

„Людіе Мой, что Я сдѣлалъ вамъ?

Почему не помните Меня?

За исцѣленія наносите раны,

За жизнь убиваете,

Вѣшаете на древѣ,

Благодѣтеля—какъ злодѣя?

Законодателя—какъ беззаконника,

Царя всѣхъ—какъ осужденнаго“?

(Стихира по Господи возвахъ В. Пятокъ).

Намъ, людямъ, не легко бываетъ переносить на землѣ всякую неправду. Но какъ тяжело было мучиться Тому, кто ни одной неправды ни въ чемъ не сдѣлалъ, а только помогалъ людямъ, заботился объ нихъ, жилъ для нихъ, не для Себя.

Можетъ быть скорбь Христа въ саду Геосиманскомъ была не больше, робость, малодушіе скажутъ? Нѣтъ. Могъ ли устрашиться Тотъ, Кто проповѣдуетъ жизнь и безсмертіе; Тотъ, Кто въ продолженіи многихъ часовъ, уже страдая на Крестѣ, сохранялъ спокойствіе духа, безъ малѣйшаго ропота и жалобъ переносилъ издѣвательства враговъ, но даже молился за нихъ: „Отче! прости имъ, не вѣдаютъ бо, что творять.“ Могъ ли Агнецъ, заколенный отъ сложенія міра (апок. XIII, 8), отбѣгать отъ Своего жертвенника, Его же Отецъ святыи и посла въ міръ (Іоан. X, 36).

„Если Онъ скорбитъ, то скорбитъ не собственною, но нашею скорбію“, говоритъ Филаретъ, митрополитъ Московскій. „Чаша, которую подаетъ Ему Отецъ Его, есть чаша всѣхъ беззаконій, нами вѣдѣянныхъ, которая потопила бы весь міръ, если бы Христосъ не воспріялъ ее“. (Слово въ Вел. Пятокъ).

Чашу, которую предстояло испить Богочеловѣку, была совмѣщеніемъ всѣхъ страданій, всѣхъ смертей человѣческихъ.

Какое мученіе должна испытывать пречистая душа Христа, когда она, покрытая грѣхами всего міра, идетъ на крестъ! Еще больше томилъ Божественнаго Страдальца отверженіе людей отъ Бога. Оно, вызвало сознание Богооставленности, ждахъ соскорбяцало и не бѣ, и утѣшающихъ не обрѣтохъ“, и Онъ воскликнулъ: „Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставилъ“.

Въ Его сознаниіи возникаетъ мысль: неужели Всемогущій Отецъ не можетъ замѣнить чѣмъ-нибудь эту горькую чашу, неужели нельзя отложить часъ лютыхъ страданій; О, если бы Ты благоволилъ пронести чашу мимо Меня! впрочемъ не Моя воля, но Твоя да будетъ.

Кончился подвигъ Геосиманскій, и открылся путь къ новому страшному Голгоескому подвигу. И здѣсь Страдалецъ Христосъ не из-

мѣнилъ Своихъ переживаній, за любовь къ грѣшному человечеству вкусилъ смерть глубоко сожалѣя, что люди живутъ во враждѣ, не оказывая любви къ тому Первообразу, который носятъ въ своихъ душахъ.

„И теперь“, спустя 19 вѣковъ, мы невольно переносимся мыслію на Голгоѳу и какъ будто слышимъ долетающіе оттуда глухіе стоны отъ тяжкихъ мученій Величайшаго Праведника, лукавый смѣхъ безумствующей толпы и тихую святую молитву Христа.

Въ душѣ cadaго изъ насъ въ этотъ моментъ Голгоѳа спрашиваетъ, чѣмъ мы оправдали въ жизни страданія Христа, исполняемъ ли на дѣлѣ Его законъ о всепрощающей любви, служимъ ли правдѣ Божіей.

Пусть каждый изъ насъ искренно оглянется на свою жизнь, спросить себя, сколькихъ онъ людей простилъ, сколькихъ сиротъ одѣлъ, голодныхъ накормилъ, сколькихъ больныхъ онъ утѣшилъ, сколько заключенныхъ посѣтилъ?

Пусть каждый вспомнить: не злобствовалъ ли онъ, не кралъ ли, не лгалъ, не отнималъ ли послѣдняго у сиротъ, не молчалъ ли, слушая, неправду, не оставлялъ ли безъ помощи угнетенныхъ?..

Итакъ, въ немногихъ словахъ открылось міру, зачѣмъ пришелъ на землю Сынъ Божій: „Не моя воля, но Твоя да будетъ“. Совершилось великое дѣло, чрезъ которое міръ увидѣлъ „Царя всяческихъ“, узналъ начальника жизни и смерти; возстановилъ потерянный союзъ съ Богомъ, а древо, на которомъ „царь славы волею руцѣ распростеръ“ служить проповѣдникомъ любви и благодати Божественной.

Священникъ *Анатолій Пѣтскій*.

Въ наши дни.

Въ наши дни особенно необходимъ трудъ упорный, тяжелый, почти непрерывный; необходимо работать ради своего хлѣба, ради своей одежды, ради многихъ несчастныхъ, калѣкъ и сиротъ. Русскій человѣкъ стремится послужить родинѣ въ ея кровавой борьбѣ за честь и свободу и это служеніе такъ обширно, — всякій, кто работаетъ — служить Россіи, потому что трудъ созидаетъ жизнь.

Видали вы, какъ женщины работаютъ на пристани? Какія тяжести приходится имъ передвигать, но какъ спокойны при этомъ ихъ лица; можетъ быть вы слышали смѣхъ ихъ въ то время? Можетъ быть вы почувствовали невольное уваженіе къ этому труду?